

ОБРАЗЫ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
В ДИАЛЕКТНОЙ КАРТИНЕ МИРА ДОНСКИХ КАЗАКОВ
(на примере гидронимической апеллятивной лексики)

В настоящее время в исследованиях языковой картины мира, и особенно диалектной, приоритетной является точка зрения, согласно которой язык является своеобразным средством выхода носителя языка или диалекта на образ мира, при этом само понятие языковой картины мира базируется на изучении представлений человека о мире. Пространство в народной картине мира, в противоположность научному его пониманию, неотъемлемо от восприятия его субъектом. Важнейшими его характеристиками исследователи называют дискретность (взгляд на пространство как на набор локусов), неоднородность (представления о качественных различиях отдельных его частей) и конечность. Важным определяющим фактором формирования лексико-семантических групп народных географических терминов является учет тех свойств географического объекта, которые выделяют сами диалектоносители. Иными словами, анализируя лексические единицы, соотносимые с теми или иными разновидностями форм ландшафта, следует опираться на субъективное видение реалии диалектоносителями.

По словам Д. Н. Замятина, «географический образ – система взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, ярко, и в то же время достаточно просто характеризующих какую-либо территорию» [1, с. 29]. Важным при исследовании географических образов представляется понятие знакового места или ключевого образа географического пространства. Знаковым местом может быть любое географическое пространство, осмысляемое с помощью историко-культурного воображения. «Знаковость места в целом определяется теми сообществами или отдельными личностями, которые могут либо воспринимать семиотические/смысловые коннотации, задаваемые данным местом, либо устойчиво их воспроизводить в целях поддержания собственной территориальной идентичности» [1, с. 35]. Таким образом, для каждого региона, а следовательно и для каждого локального варианта национальной культуры возможно определить такие знаковые места. Для донской культуры это, несомненно, река. *Река* – масса воды, постоянно текущая в естественных условиях по определенному руслу в определенном направлении. Вся жизнедеятельность донских казаков от самого момента их становления как социума неразрывно связана с реками: донцы сначала были скотоводами и рыбаками, а уж потом (с XVIII в.) стали заниматься земледелием. Главная водная артерия, без сомнения, река Дон, которая не только являлась в прошлом основной транспортной магистралью, обеспечивавшей сообщение между отдельными районами Подонья и Приазовья, но и стала центром края, называемого ее именем, земли, на которой сложилась новая социально-территориальная группировка русского народа.

Эти и некоторые другие обстоятельства и способствовали формированию устойчивой и многочисленной по количеству представленных в ней лексем системы, которая, наряду с общерусскими речными терминами, содержит большое количество местных, донских оригинальных названий.

Особое место среди донских народных «речных» терминов занимают наименования мест с быстрым и замедленным течением. Эти географические реалии играют особую роль в хозяйственной деятельности людей. Течение воды связано с особенностями русла, наличием родников, перекатов, мелких и глубоких мест, оно влияет на шум текущей воды, внешний вид водного объекта или его части. Все эти особенности не ускользают от внимания носителей диалекта и маркируются в языке. Для обозначения места с быстрым течением в донских говорах помимо общеупотребительной описательной конструкции широко представлены диалектные апеллятивы: *быстрик*, *быстряк*, *быстрина́*, *быстри́нка*, *быстрянка*, *быстру́шка*, *стрéмя*, *стремни́на*, *стрéшина*, *струя*, *понóс*, *сарма́*. Все упомянутые наименования характеризуются наличием в значении семантического признака ‘быстрый’, проявляющегося у одних слов явно, т.е. их мотивационная основа отражена непосредственно в форме (*быстрик*, *быстру́шка* и под.), у других – скрыто, т.е. вычленяется только при толковании лексем (*струя*, *понóс*, *сарма*).

Интересна географическая лексема *сарма́*, которая в донских говорах соотносится с целым рядом значений: ‘мелководье’, ‘протока’, ‘брод, перекаат на реке’ и ‘глубокое место в реке с быстрым течением’ (ср.: «*На сарме течение быстрое*» (х. Апаринский Ростовской области), «*Из плёса в плёсо сарма перетянулася*» (ст. Обливская Ростовской области)). За пределами Дона наименование *сарма* известно в географических названиях воронежских, поволжских говоров [2, в. 36, с. 146]. Ср. у Даля: “Сарма́ ж. вост. перекаат, порог речной; сарма по твердому, плоскому дну, по сланцу и лещади, и под нею обычно омут, бучало, которое нередко также зовут сармой” [3, т. 4, с. 36]. Интересно отметить, что в украинских говорах наименование не отмечено, что исключает иррадиацию лексемы с украинской территории. Поэтому целесообразно предположить, что понятие *сарма* возникло внутри очерченной диалектной зоны. Фонетический облик названия предположительно свидетельствует о его заимствованной природе, скорее всего из тюркских языков. Возможно, славянское *сорма* / *сарма* генетически родственно казах. *сор* ‘озеро с топким дном, солончаковое озеро’. Ср. здесь тобольск., томск. *сор* ‘обширные поймы, род залива, более или менее постоянного’ [3, т. 4, с. 406]. Фасмер возводит *сор* в вышеуказанном значении к финно-угорским языкам (ханты *sor) [4, т. 3, с. 720]. Прямое влияние финно-угорских языков на южнорусские диалекты кажется нам менее вероятным, поэтому мы более склонны рассматривать термин *сарма* как тюркизм, модифицированный при помощи старого славянского суффикса *-ма*.

Различия в обозначении места с замедленным течением в донских говорах обусловлены разницей в мотивах номинации. Как показало исследование, для говоров нижнедонской диалектной зоны наиболее характерны апеллятивы, в основе которых лежит качественный признак ‘тихий’

(*тихово́дь, тихово́дые, тихово́д*). Выше указанной зоны употребляются наименования, в значении которых актуализирован локативный признак, материализованный в префиксе *за-* (*за́водь, заво́дья, заводень, зако́са, зако́сок, зако́сина*). Лексема *за́водь* и ее дериваты широко представлены на всей территории распространения русских народных говоров, в которых они функционируют с разной степенью интенсивности, обнаруживая более или менее значительные семантические различия, ср.: ‘водоворот в реке’, ‘низкое место, затопляемое полной водой’ (новг.); ‘глухой рукав реки’ (беломор.); ‘водоворот в реке’, ‘старое речное русло, идущее параллельно какой-либо реке’ (арх.); ‘место, покрытое водой после половодья’, ‘место, где река берет свое начало’, ‘небольшое озеро на месте старого русла’ (яросл.); ‘тихое место в реке’, ‘глубокое место, омут’, ‘старое русло реки’ (кстрм.); ‘водоворот в реке’ (вят.); ‘водоворот’, ‘топкий участок в болоте’, ‘старый рукав реки’ (перм.) [2, в. 9, с. 327]. В донских говорах наиболее распространенными значениями наименования являются ‘место в реке с замедленным течением’ и ‘тихий речной залив’. В говорах лексема послужила основой для образования устойчивого выражения, использующегося в переносном значении: «*Тихо здесь, как на заводи*» (ст. Калитвенская Ростовской области).

В словарных дефинициях содержатся концептуально значимые характеристики природного объекта: водный поток (полноводность/неполноводность, направление, скорость, звучание), русло (размеры, форма, дно, почва); питание (наличие притоков); место промыслов и хозяйственной деятельности; пути сообщения, возможный источник опасности. Таким образом, речной ландшафт является частью языковой культуры, получает реальность в слове и во всем семантическом объеме воплощается через значения отдельных слов, местные гидрографические термины являются символами, которые несут в себе идеалы и ценности культуры. Народные географические апеллятивы отражают результаты воздействия человека на природу, освоение природы, антропогенные черты духовной культуры. Своеобразие природной среды способствует развитию детализированных значений у известных географических терминов и превращению общеупотребительных нетерминологических наименований в географические апеллятивы. Тем самым происходит опредмечивание окружающего мира, дробление пространства на значимые с точки зрения носителей языка объекты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Замятин, Д. Н.* Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук / Д. Н. Замятин // Социологическое обозрение. – Т. 9. – № 3. – М., 2010. – С. 26–50.
2. Словарь русских народных говоров. – М.–Л. : Наука, 1965–2014. Вып. 1–47.
3. *Даль, В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: 4-е изд. / В. И. Даль. – СПб., 1912–1914. – Т. I–IV.
4. *Фасмер, М.* Этимологический словарь русского языка / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачев. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV.